

СОВЕТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Семинар начался с вопроса, почему Критик считает переворот, который произошел в горбачевско-ельцинские годы, контрреволюцией. Официально принято называть его демократической революцией.

— Называйте как хотите, — сказал Критик, — сущность его от этого не меняется. Я предпочитаю говорить о нем как о контрреволюции по следующему соображению. В период между избранием Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 году и расстрелом «Белого дома» (Верховного Совета Российской Федерации) по приказу Ельцина в октябре 1993 года произошла совокупность событий, в результате которых рухнул Советский Союз, советский блок в Европе и советский (социалистический, коммунистический) социальный строй, сложившийся благодаря Октябрьской социалистической революции 1917 года. Поэтому я считаю себя вправе называть эту совокупность событий контрреволюцией по отношению к Октябрьской революции 1917 года.

— В чем конкретно заключается эта контрреволюция?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо указать множество об-
разующих ее действий людей и установить, что именно связало эти действия в единое целое, в одно сложное совместное действие множества различных людей. Общим для всех этих действий было то, что они так или иначе разрушали социальный строй страны — разрушали реальный советский коммунизм. И именно эта их антикоммунистическая направленность объединяла их в огромное единое историческое действие, имевшее результатом разгром советского коммунизма.

— А для этого надо знать, что такое коммунизм?

— Да. Необходимо точно определить, в чем именно заключалась коммунистическая социальная организация (социальный строй) советского общества. Знать научно объективно, а не в том виде, как его изображали и изображают в идеологии и пропаган-

де (как в советской, так и в антисоветской). У тех людей, которые разрушали советский коммунизм, не было, конечно, научного его понимания. Но для разрушения это и не требовалось, было вполне достаточно идеологических представлений. Научный подход нужен для того, чтобы понять социальную сущность того, что сотворили эти люди совместными усилиями, мотивируемые и манипулируемые отнюдь не интересами научного познания. Основы научного понимания коммунизма мы с вами, я полагаю, рассмотрели на прошлых заседаниях достаточно для ответов на интересующие вас вопросы. Вспомните, какой компонент в социальной организации коммунизма является доминирующим?

— Система власти и управления.

— А что является основой, ядром, стержнем, скелетом и головой этой системы власти?

— То, что называли КПСС.

— А в ней?

— Партийный аппарат.

— Он был такой частью власти, которая управляла всей остальной властью, т. е. властью над самой властью, властью второго уровня. Вся система власти и управления обществом находилась под контролем партийного аппарата, являлась фактически продолжением и разветвлением его. В обратном направлении она так или иначе сходилась в партийном аппарате и отражалась в нем.

— Теперь легко установить границы контрреволюции!

— Очевидно, ее начало следует отнести к тому моменту советской истории, когда начали сознательно разрушать советскую систему власти и управления, а еще точнее говоря — когда начали разрушать аппарат КПСС. И началось это вскоре после избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Началось по инициативе Горбачева и было поддержано высшим партийным руководством и его идеологическими холуями. Началось с вершины власти. Началось изнутри системы власти, т. е. из самых глубин базиса коммунистической социальной организации. А завершение советской контрреволюции произошло уже при Ельцине, когда была ликвидирована КПСС и по приказу Ельцина были расстреляны жалкие остатки советской государственности. Советская контрреволюция хронологически и по составу образующих ее событий заключена в эти рамки. Относить ее начало в более отдаленное прошлое (а ее относят даже к временам Хруще-

ва), а окончание в годы после расстрела «Белого дома» — значит растворять ее в более обширном историческом потоке и искажать тем самым ее социальную сущность. События, предшествовавшие началу деятельности Горбачева по разрушению КПСС и так или иначе связанные с этим, сыграли роль условий и предпосылок контрреволюции, а все события, произошедшие после прихода Ельцина к высшей власти в России и расстрела «Белого дома», явились неизбежными следствиями уже совершившейся контрреволюции.

Здание советского человеенника как человеенника коммунистического рухнуло как следствие того, что был разрушен его социальный фундамент.

— Какими причинами была порождена эта контрреволюция?

— Тут определяющую роль сыграл комплекс факторов. Этот комплекс явился результатом уникального совпадения множества исторических обстоятельств. Каждый из факторов комплекса сыграл свою определенную роль. Но ни один из них по отдельности не может рассматриваться как причина переворота. Только комплекс факторов как единое целое может претендовать на эту роль. Он необходим и достаточен. Необходим в том смысле, что где будь какого-то одного (любого) из факторов, то не было бы и комплекса в целом и не было бы переворота. Достаточен в том смысле, что наличие всех факторов комплекса предполагает, что ялицо были все необходимые условия переворота, раз он произошел.

— Эти факторы можно упорядочить?

— Важно иметь в виду, что упомянутый комплекс факторов является многомерным. В одном из этих измерений (аспектов) различаются факторы внутренние и внешние. К внутренним относится все то в рамках Советского Союза, что так или иначе способствовало контрреволюции. К внешним относится все то за пределами Советского Союза, что так или иначе было связано с подготовкой и осуществлением контрреволюции в Советском Союзе. В другом измерении различаются факторы объективные и субъективные. К субъективным относится идеологическое, моральное, психологическое и интеллектуальное состояние людей, которые как-то были вовлечены в подготовку и осуществление контрреволюции и от которых зависел ее успех. К объективным факторам относятся такие, которые были объективно даны людям в качестве условий их жизнедеятельности и которые были

неподвластны их сознанию и воле при подготовке и осуществлении контрреволюции.

Советская контрреволюция есть явление внутренней жизни советского общества, а после распада Советского Союза — российского. Естественно, она имела на то основания в самом советском обществе. Эти основания можно разделить на объективные и субъективные. Из объективных я отмечу два основных, на мой взгляд: социальное расслоение советского населения и назревание первого в истории специфически коммунистического кризиса. Рассмотрим их по отдельности.

— Коммунисты, как известно, стремились к уничтожению классов. Коммунистическое общество мыслилось как бесклассовое. Но на деле это не получилось?

— Если под классами понимать только капиталистов, помещиков, наемных рабочих и крестьян, то общество без такого расслоения вполне реально. Но это не означает, что в реальном коммунизме не происходит расслоение населения в других разрезах. В советском обществе с самого начала наметилось расслоение населения на социальные категории, или на социальные классы, занимающие различное положение в структуре общества и, соответственно, обладающие различными возможностями в распределении жизненных благ. Неравенство в этом отношении было не каким-то отклонением от неких «правильных» норм, предписанных классиками марксизма, а проявлением объективных законов социального бытия. К концу брежневского периода классовое расслоение советского общества достигло высокого уровня. Стала очевидной тенденция к снижению вертикальной динамики населения, т.е. сокращались возможности перехода из одних слоев в слои более высокого уровня. Представители высших слоев редко стали опускаться в низшие слои. Они имели разнообразные привилегии сравнительно с низшими слоями и возможности приобретать жизненные блага благодаря своему положению в обществе. Они были хозяевами общества. Ничто не угрожало их привилегированному положению. Они имели такие гарантии своего положения, каким могли завидовать привилегированные слои западных стран. Они имели блага без риска потери, без особых усилий и забот.

— Но ведь именно представители привилегированных слоев начали «перестройку»?

— Да, произошло нечто такое, что находится в явном несоот-

ветствии с социальными законами и даже со здравым смыслом. Те советские люди, которые стали активными идеологами и деятелями контрреволюции, как правило, были выходцами из высших слоев общества, принадлежали к его привилегированной части, занимали в нем высокие посты (достаточно назвать самих Горбачева и Ельцина), принадлежали к идеологической и культурной элите. Они поднялись в высшие слои за счет советской системы, в ней добились успехов, сделали карьеру. Согласно социальным законам, они по своему положению в обществе должны были быть опорой этого общества, его апологетами и защитниками. А они ринулись разрушать его, превзойдя на этом пути диссидентов, критиков режима, самых отъявленных антикоммунистов Запада. Они начали с остервенением рубить сук, на котором сидели. Почему?! Никаких объективных факторов в социальной организации советского общества не было.

Очевидно, вступили в силу факторы, действовавшие извне советского общества, причем действовавшие как факторы, порождавшие в нем определенное идейное, моральное и психологическое состояние населения.

— К концу шестидесятых годов в Советском Союзе сложилась ситуация в экономике, получившая название застоя. А вы отвергаете теорию застоя. Как же вы оцениваете эту ситуацию?

— Коммунистическое общество считалось бескризисным не только лидерами и идеологами коммунистических стран, но и лидерами и идеологами стран западных, т.е. и антикоммунистами и антисоветчиками. И это убеждение было бы верным, если бы никаких других кризисов, кроме кризисов капиталистических, в природе не происходило. Советское общество было бескризисным в том смысле, что в нем были исключены капиталистические экономические кризисы, ибо оно было обществом не капиталистическим, а иного типа. Но это не избавляло его от кризисов иного рода. Всякое общество так или иначе переживает кризисные ситуации, соответствующие его природе. В советском обществе назревал кризис, но кризис специфически коммунистический, первый в истории кризис такого рода. В силу того что отсутствовало и даже фактически было запрещено научное понимание советского общества, согласно которому складывавшееся положение можно было бы оценить как предкризисное, приближение кризиса просто проглядели, не заметили и не захотели замечать. Это положение стали рассматривать как показатель несо-

стоятельности коммунистической экономики. Процветание же экономики на Западе стали приписывать исключительно капитализму. Причем, такое понимание возникло вовсе не спонтанно, а было навязано извне советского общества, западной идеологией и пропагандой. Последняя имела в Советском Союзе колоссальный успех, поскольку начисто отсутствовало научное понимание не только своего, советского, социального строя, включая экономику, но и западного социального строя (западнизма, по моей терминологии), а также поскольку к этому времени западнистская система ценностей почти полностью вытеснила систему коммунистических ценностей в массах советского населения, в особенности и в первую очередь в его высших и близких к высшим слоях.

Что на самом деле имело место в Советском Союзе в эти годы? Советский Союз превратился во вторую сверхдержаву планеты отнюдь не за счет экономической несостоятельности коммунизма и застоя, а, наоборот, за счет необычайно интенсивного развития. Только одни проглядели его вследствие самоослепления, а другие умышленно сфальсифицировали, изобразив как провал. В послевоенные годы население Советского Союза выросло на сто миллионов человек! Повысился жизненный уровень. Выросли потребности людей. Теперь речь шла не просто о хлебе и какой-то крыше над головой, а о комнатах, квартирах, телевизорах, холодильниках, мотоциклах, автомашинах и т. д. И страна так или иначе делала колоссально много, чтобы жить на достаточно высоком уровне.

В послевоенные годы (в особенности в «застойные»!) буквально в десятки раз увеличилось число предприятий, учреждений, организаций — произошло усложнение общества в таких масштабах и с такой скоростью, какой никогда до этого не было в истории человечества для объединения таких огромных размеров, каким был Советский Союз. Усложнились все аспекты жизни общества, образование, культура, коммуникации, международные отношения и т. д. Естественно, назрели проблемы и возникли трудности, с которыми уже нельзя было должным образом справляться прежними средствами. В стране стала назревать кризисная ситуация. Но какой именно кризис назревал? И как осознавалась эта угроза советскими лидерами и идеологами?

— Кризис можно было предотвратить?

— Сущность надвигавшегося кризиса заключалась в том, что

сложившаяся и нормально функционировавшая до этого система власти и управления советского общества стала неадекватной новым условиям. И по мере прогресса общества степень неадекватности все более возрастала. Этот процесс можно было остановить, т. е. предотвратить кризисный взрыв или смягчить его. Его можно было преодолеть теми средствами, какими советское общество располагало, т.е. средствами коммунистическими. При этом не требовалась никакая перестройка социальной системы. Наоборот, необходимо и достаточно было усовершенствование именно коммунистической социальной организации. Необходимо было увеличить аппарат власти и управления, особенно — партийный аппарат. Он был уже слишком мал для возросшего числа объектов, подлежащих управлению, и усложнившейся структуре общества; а также усложнившимся условиям управления. Необходимо было усилить систему планирования и ввести более строгий контроль за выполнением планов. Необходимо было повысить квалификацию работников системы власти и управления именно как работников коммунистической системы, разработать экономическую теорию именно для этой системы, усилить централизацию экономики и управления ею и т. д. Ключе говоря, надо было идти по пути усиления и усовершенствования всего того, что в западной идеологии и пропаганде подвергалось критике и осмеянию именно потому, что это фактически работало и могло позволить Советскому Союзу преодолеть трудности. Но советские руководители и их идеологические ходоки поступили как раз наоборот. Они ринулись в «перестройку», гибельность которой была очевидна заранее. «Перестройка» развязала кризис, который стал всеобъемлющим, охватив и сферу экономики. К чему это привело, известно. Нет надобности еще раз говорить об этом.

— Почему высшее советское руководство во главе с Горбачевым поступило так? Можно ли это объяснить только глупостью, тем, что не ведали, что творили, руководствуясь добрыми намерениями?

— Объяснить этот феномен, игнорируя внешние факторы, невозможно. При всех недостатках того состояния советского общества накануне контрреволюции, в нем самом по себе не назрела никакая потребность в ослаблении и разрушении государственности, в разрушении экономической системы и прочих жизненно важных сфер общества. И идеи такого рода не владели

умами и чувствами достаточно значительных и влиятельных слоев общества. Все это пришло и охватило страну, как внезапная эпидемия или природная катастрофа, лишь на основе свершившейся контрреволюции как ее следствия.

— Вы определяете субъективные факторы как состояние менталитета (сознания и эмоций) населения страны, его различных слоев, классов и других частей. Какие из этих факторов сыграли, на ваш взгляд, наиболее важную роль в подготовке контрреволюции?

— Состояние менталитетной сферы советского общества определялось само многими факторами: условиями жизни, воспитанием, образованием, идеологией, пропагандой. Оказывал влияние Запад. Сложившись в более или менее устойчивое состояние, менталитетная сфера стала фактором, оказывающим влияние на ход истории. Я в совокупности субъективных факторов в контексте нашей темы особое значение придаю радикальному изменению отношения советского населения к Западу.

Ослабление «железного занавеса», расширение связей с Западом, усиление западной пропаганды и другие факторы способствовали перелому во взглядах советских людей на западное общество, в брежневские годы Запад по многочисленным каналам ворвался во внутреннюю жизнь советского общества. Западная пропаганда нанесла сильнейший удар по фундаментальным принципам советской идеологии насчет преимуществ советского общественного строя и образа жизни перед западным. Под влиянием Запада произошло смещение интересов людей в сторону чисто материальных интересов и соблазнов. Негативные явления советского коммунизма стали объектом грандиозной антикоммунистической пропаганды на самом Западе и в Советском Союзе со стороны Запада. Капитализм не сошел со сцены истории, как предрекали Маркс и Ленин, а укрепился и вроде бы (в обывательском представлении и пропаганде) выиграл соревнование с коммунизмом именно в экономическом отношении. В Советском Союзе наметилась тенденция к экономическому спаду, тогда как на капиталистическом Западе наступило неслыханное процветание. Советские люди стали видеть обещанный коммунистами земной рай на Западе, идеализируя ситуацию на Западе и сверх всякой меры преувеличивая в своем воображении западное изобилие.

Хочу обратить ваше внимание еще на два фактора, сыграв-

щие важную роль в описанном переломе во взглядах советских людей на Запад. Первый из этих факторов — убожество профессиональной информации о Западе и неспособность советского идеологического аппарата противопоставить западной пропаганде достаточно эффективную контрпропаганду. Советский Союз имел на Западе десятки тысяч своих профессионально подготовленных представителей в лице дипломатов, журналистов, шпионов, ученых и т.п. В самом Советском Союзе были бесчисленные учреждения и организации, занятые изучением Запада. Но эта гигантская армия «специалистов», за редким исключением, оказалась сбродом халтурщиков, паразитов, невежд и хапуг, а гигантский идеологический аппарат, занятый пережевыванием потерявших даже идеологический смысл марксистских догм, не смог даже в ничтожной мере использовать в контрпропаганде материалы, которыми изобиловали средства массовой информации самого Запада и которые буквально вопили о преимуществах советской экономики перед западной.

Второй из упомянутых выше факторов заключается в том, что советские люди, допущенные властями до непосредственного знакомства с Западом, отбирались как представители привилегированных слоев и оказывались на Западе в исключительных условиях. Им не надо было добывать средства существования на Западе, искать работу, конкурировать с западными специалистами, приобретать жилье, платить налоги, беспокоиться о медицинском обслуживании, думать об образовании и будущем детей, трудиться в условиях западных предприятий, испытывать негативные следствия общения с соседями и коллегами по работе и т. д., т. е. они фактически не погружались в реальную жизнь западного общества со всеми его реальными кошмарами, о которых писали тысячи честных западных писателей и которые показывались в тысячах более или менее реалистичных фильмах, но которые советские люди просто не могли и даже не хотели замечать. У этих советских людей было гарантированное положение у себя дома (жилье, зарплата, медицинское обслуживание и т. д.). Они имели какие-то деньги от своего государства, а также в виде подачек от западных учреждений. Они эти деньги могли тратить, не думая о том, что на них надо жить в будущем. А если они тратили свои деньги, они их с лихвой окупали, приобретая в западных магазинах вещи, дефицитные в Советском Союзе. Они на Западе были в положении гостей и зевак, паразитов и спекулянтов. Для

них пребывание на Западе было привилегией как для людей советских. Они видели тут то, что могли, что им позволяли видеть и что они хотели видеть в том качестве, о котором я только что сказал, а именно — изобилие вещей в магазинах, комфорт, прекрасное обслуживание и т.п., т.е. витрину, рекламу и поверхностные проявления западной экономики, а не ее основы, глубины, скрытую сущность. Они все это сравнивали с тем состоянием, в каком с этой точки зрения находились их соотечественники в Советском Союзе. И все (почти без исключения!) делали вывод, будто рай земной, обещанный марксистами, на самом деле построен на Западе, а в Советском Союзе имел место «черный провал». Поразительно то, что такой вывод делали не какие-то плохо образованные представители низших слоев населения, а образованные профессора, академики, дипломаты и даже лица из партийно-государственной номенклатуры.

Этот процесс захватил прежде всего высшие слои советского общества, высшее руководство и интеллектуально-идеологическую элиту. Кризис советского общества начал созревать на высотах идеологии и власти, а не в сфере экономики. И в числе его симптомов следует упомянуть потерю чувства и сознания гражданской ответственности перед своей страной и своим народом, а также потерю способности объективного понимания как советской, так и западной экономики даже на уровне обыкновенного здравого смысла, не говоря уж о высотах науки. Эти слои (а не низшие!) стали прозападно настроенными. Они возжаждали иметь для себя западные блага, надеясь сохранить и то, что имели в советском обществе.

— Каково было соотношение субъективных и объективных факторов?

— Несмотря на то, о чем я говорил выше, до определенного момента внутренние объективные факторы доминировали. И каким бы ни было недовольство населения отдельными явлениями советской жизни (нет такого общества, в котором все и всегда довольны всем!), даже мысли не возникало о ликвидации советской социальной организации. Ее достоинства еще ощущались старшими поколениями на своем опыте, а молодежь не имела источников для другой идеологии, чтобы можно было говорить о внутреннем переломе. Даже диссиденты и критики советского строя не выдвигали лозунгов свержения коммунизма. И организации, способные возбудить массы на это, были немислимы —

всякие намеки на это искоренялись и поддержки в массах не могло быть никакой. Умонастроения высших слоев и интеллигенции сами по себе не порождали никаких намерений и планов осуществить контрреволюцию на деле. Для этого не было других условий. Чтобы это условие вступило в силу, контрреволюция должна была быть развязанной каким-то образом, причем безопасным для этой категории граждан. Каким — об этом еще не знал никто, вплоть до того момента, когда контрреволюция уже достигла стадии очевидности — когда было дано разрешение на нее с вершины власти. И даже более того, последовал призыв к ней и поданы примеры не только ненаказуемого антикоммунистического поведения, но даже поощряемого.

— Все это было невозможно без влияния Запада?

— Да. Советская контрреволюция не может быть научно объяснена, если не принимать во внимание внешние факторы, ибо она была задумана и спланирована на Западе и навязана советским людям со стороны Запада. Ее совершили советские люди, но их побудили на это силы Запада. Ими манипулировали силы Запада. Это была эпохального и глобального масштаба операция, лишь принявшая форму локально-советского социального переломного момента. Разумеется, это произошло не сразу. Сначала ставилась задача лишь ограничить Советский Союз, сдерживать его мировые претензии, всячески дискредитировать и оскорблять. В ходе нее были испробованы самые разнообразные средства. Убедившись в том, что идеологически-пропагандистское воздействие на советское население не имеет желаемого результата, стратеги холодной войны использовали подходящий случай и осуществили переворочную операцию, принявшую форму контрреволюции. Советская контрреволюция явилась завершающей операцией Запада в холодной войне против Советского Союза. Именно эта знаменательная и заранее запланированная операция объединила различные факторы воедино и направила их совокупное действие в одну «точку».

— Вы выше упомянули о случае, сыгравшем переломную роль в ходе холодной войны. Что это за случай?

— Имя этому случаю — Горбачев.

Деятели холодной войны с самого начала изучали советскую систему власти и управления, особенно высшее руководство, обозначаемое словом «Кремль». В составе советологии возникла особая ее отрасль — кремленология. Она самым педантичным об-

разом изучала структуру советской государственности, партийный аппарат, центральный партийный аппарат, ЦК КПСС, Политбюро и лично работников аппарата власти. Изучали, не брезгуя даже анализом мочи и кала высших руководителей власти. Но основное внимание в течение длительного времени (пожалуй, до конца семидесятых годов) было направлено на идеологическую и психологическую обработку широких слоев населения и создание прозападно ориентированной массы советских граждан, фактически игравших роль пятой колонны Запада и занимавшихся (вольно или невольно) идейно-моральным разложением советского населения (не говоря уж о прочих функциях). Так было создано диссидентское движение. Одним словом, основная работа велась по линии разрушения советского общества «снизу». Тут были достигнуты серьезные успехи, ставшие одним из факторов будущей контрреволюции. Но они были не настолько значительными, чтобы привести советское общество к краху. К концу семидесятых годов западные деятели холодной войны поняли это. И поняли, что основу советского коммунизма образует его система власти, а в ней — партийный аппарат. Изучив досконально структуру партийного аппарата, характер отношений сотрудников в нем, их психологию и квалификацию, способ отбора и прочие его черты, деятели холодной войны пришли к выводу, что разрушить советское общество можно только сверху, разрушив его государственность, а для разрушения последней необходимо и достаточно разрушить партийный аппарат, начав это разрушение с самого высшего уровня. Такая возможность представилась, когда начался кризис высшего уровня власти в связи с запредельным постарением (можно сказать, одряхлением) Политбюро ЦК КПСС (последние годы Брежнева, годы Андропова и Черненко). В это время командование западных сил холодной войны выработало совершенно определенный план завершения войны: захватить высшую власть Советского Союза в свои руки, проведя на пост Генерального секретаря ЦК КПСС «своего» человека, вынудить его разрушить аппарат КПСС и осуществить преобразования, которые должны породить цепную реакцию распада всего советского общества. Такой план стал реальным лишь постольку, поскольку такой «свой» человек на эту роль уже имелся: Горбачев. Проведение Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС было фактически первой операцией в составе грандиозной операции по осуществлению советской

контрреволюции. Горбачев вполне оправдал расчеты своих западных манипуляторов. И даже превзошел их.

— Началось саморазрушение советской сверхгосударственности?

— Если припомнить то, что конкретно делал Горбачев, то без особых усилий станет очевидно, что вся его деятельность была планомерным и преднамеренным разрушением партийного аппарата КПСС. В те годы шутили по этому поводу: в Советском Союзе осуществляется разгром КПСС под руководством... КПСС. И это было на самом деле так. Но это было не шуточное развлечение, а великая историческая трагедия. Эту деятельность высшего руководства КПСС по разрушению основы советского общества советские люди завершили уже под руководством Ельцина, который просто запретил КПСС. А глава партии Горбачев покорно подписал бумагу о самоликвидации ЦК партии, хотя по всем законам поведения обязан был призвать партию к сопротивлению. После этого процесс разрушения всей советской системы власти пошел с поразительной быстротой. И молниеносно рухнуло все общество: первичные коллективы, экономика, идеология, культура и т. д. Такое никак не могло случиться неким естественным путем. Такое стало возможно лишь постольку, поскольку разгром советской системы власти был осуществлен самими ее руководителями под диктовку западных манипуляторов.

— У советского коммунизма не оказалось серьезных защитников. Он был разрушен почти без всякого сопротивления со стороны широких слоев населения, членов партии (а их было около 20 миллионов!) и партийных функционеров. Почему так случилось?

— Имели место два открытых выступления — так называемый «путч» в августе 1991 года и «бунт» депутатов Верховного Совета в октябре 1993 года. Но и они имели место не как попытки защитить коммунизм, а совсем иное оформление. Большинство вождей и участников «бунта» 1993 года были людьми, участвовавшими в разгроме КПСС и в ликвидации «путча» 1991 года, а «путчисты» были сами участниками горбачевского переворота в партии и системе власти в целом. Некоторые западные авторы называли советскую контрреволюцию бархатной. В западной и российской прозападной пропаганде «объясняли» (и до сих пор «объясняют») этот феномен отсутствия у советского коммунизма массовых и серьезных защитников некой ненави-

стью советских людей к коммунизму, якобы страдавших под игом этого чудовищного тоталитаризма, стремлением к освобождению от этого гнета и т. п. Это «объяснение» не имеет ничего общего с реальностью. Чтобы дать научное объяснение этого феномена, необходимо научное понимание сущности коммунистической организации советского общества и характера самой контрреволюции как военной (в смысле холодной войны) операции.

— Был Горбачев агентом Запада?

— Если даже допустить, что Горбачев был ранее как-то вовлечен в деятельность западных секретных служб, занимавшихся подрывной деятельностью в Советском Союзе, и что какие-то лица из советского руководства и идеологической элиты были агентурой этих служб, советское политическое и идеологическое руководство просто не отдавало себе отчета в том, на какой путь оно направляло страну и к каким последствиям должна была привести их деятельность. Многие были уверены в незыблемости социального строя страны. Даже сам Горбачев сначала публично заявлял лишь об усовершенствовании этого строя (о «социализме с человеческим лицом»). Многие активные участники процесса сделали карьеру вместе с горбачевским руководством и благодаря участию в его политическом курсе. Они воспринимали горбачевскую «перестройку» просто как условие своего личного успеха, наплевав на всякую гражданскую ответственность за это, — по самим условиям образования, воспитания, отбора в систему власти и функционирования в ней, они поступали как обычные карьеристы. Прочая масса чиновников всех сортов осуществляла разрушение коммунизма как исполнение своих рутинных функций, внося в свою работу корректив в духе новых установок. Контрреволюция не сразу обнаружила свою социальную натуру. Каждое мероприятие по отдельности не выглядело как контрреволюция, а их связь не обнаруживала себя очевидным образом. Контрреволюция сначала происходила как совокупность сравнительно мелких преобразований внутри партийного аппарата, причем на высшем уровне. Если при этом и имела место какая-то борьба, она не выходила за рамки партийного аппарата. Мероприятия, в совокупности осуществлявшие контрреволюцию, постепенно сверху спускались в партийный аппарат низших инстанций и постепенно охватывали всю систему власти.

Инициаторы и активные деятели контрреволюции не сразу открыто заявили о своих намерениях. Сначала они еще клялись в верности коммунизму, обещая лишь улучшения. Потом заговорили о «перестройке» социально-политической системы, наконец — о решительном отказе от коммунизма.

— А массы?

— Массы по своему положению в обществе воспринимали действия своей власти как новый курс, не ведущий к краху общества. Когда до этого процесс дошел и массы стали что-то осознать, контрреволюция уже совершилась. Они ее просто проглядели, и опять-таки не надо забывать о том, что почти полвека шла мощнейшая антикоммунистическая пропаганда со стороны Запада, подхваченная и усиленная внутренними силами контрреволюции. В течение многих лет осуществлялось идеологическое оглушение советского населения и преднамеренное моральное разложение всех слоев общества путем навязывания западной системы ценностей, органически чуждой советскому обществу как обществу коммунистическому. Широкие слои населения были деморализованы, впали в состояние идейной и психологической растерянности и стали в высшей степени подверженными современным средствам манипулирования ими.

— В результате контрреволюции к власти в стране пришли антикоммунистические силы и осуществили разгром всех прочих сфер советского коммунизма.

— Да. Это уже очевидно без всякой науки. Замечу в заключение еще следующее. О том, что советская контрреволюция была спланирована на Западе и осуществлена силами самих советских правителей и их идеологических слуг как диверсионная операция холодной войны, свидетельствует и то, какой социальный строй установился в стране вследствие ее. Если даже допустить, будто коммунистический социальный строй в Советском Союзе рухнул в силу своей внутренней несостоятельности (что, повторяю, есть идеологическая ложь), из этого никак не следует, что в результате его краха на его место должен был прийти социальный строй западного образца. Последний стал навязываться советскому населению сверху и искусственно, причем вопреки интересам народа и с очевидными катастрофическими последствиями для страны.